

Научная статья
УДК 343.264(571.56)«18»
doi: 10.17223/19988613/94/2

Ссылка в управлении якутского областного начальника (первая половина XIX в.)

Айсен Данилович Васильев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, Якутск, Россия, aysen_vasilev@mail.ru*

Аннотация. Впервые в отечественной истории на основе вновь вводимых в научный оборот архивных данных Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Саха (Якутия) рассматриваются обязанности областного начальника по управлению политической и религиозной ссылкой на северо-восточной окраине Российской империи – в Якутии – в первой половине XIX в. Отмечается, что отдаленность от политических центров, как столичных так и регионального – г. Иркутска, сложность структуры управления Якутской областью и личные качества начальника региона наложили отпечаток на надзор за ссыльнопоселенцами.

Ключевые слова: Сибирь, Якутская область, управление, областной начальник, политическая ссылка, религиозная ссылка, ссыльнопоселенцы

Для цитирования: Васильев А.Д. Ссылка в управлении якутского областного начальника (первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 14–19. doi: 10.17223/19988613/94/2

Original article

Exile in the management of the Yakut regional head (first half of the 19th century)

Aisen D. Vasilev

*Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russian Federation, aysen_vasilev@mail.ru*

Abstract. The article contains a study on the issues of political and religious exile in the first half of the 19th century on the northeastern outskirts of the Russian Empire - Yakutsk Oblast in the management of the “owner” of the entrusted region - the regional head. The study was carried out on the basis of new archival data from the funds of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk); in particular, office-work documents were used – annual reports of regional heads, in which information on the exiles was presented to the highest authorities. Other sources – memoirs and letters of political exiles - Decembrists, who were in the settlement in the Yakutsk region. The issues of organizing links in Siberia and its problems are considered, for example, the lack of personnel and the need to increase the stages. In the absence of a duality of punishment in Yakutia, where they were sent only to the settlement, the local administration was also engaged in monitoring criminals sent to hard labor in other regions of the empire. Exiles begin to play a special role in the activities of the regional chief from the second quarter of the 19th century, which is associated with the Decembrist events of 1825 and the development of the movement of eunuchs across Russia. Despite the fact that Yakutia has become a place of mass exile for religious criminals since the middle of the 19th century, regional heads paid special attention to issues of control over this category of exiles. The article covers multi-level supervision over state criminals, which is associated with the dependence of the Yakut chief on the central and regional authorities (governors-general of Siberia and Irkutsk civil governors). The Yakut regional chiefs were obliged to deal with the placement of the exiles, the organization of their registration, isolation, the creation of control over correspondence, however, other cases were observed in the process of supervising the exiles. Thus, between the regional head N.I. Miyagkov and the Irkutsk civilian governor I.B. Zaydler, to whom the first should have been directly reported, there was a conflict over the supervision of the Decembrists. The author links this phenomenon with the personal qualities of the Yakut chief, his liberal views, loyalty to the Decembrists, and, on the other hand, with the complexity of the governance structure of the Yakutsk region, its remoteness from political centers.

Keywords: Siberia, Yakutsk region, control, regional chief, political link, religious link, exiled settlers

For citation: Vasilev, A.D. (2025) Exile in the management of the Yakut regional head (first half of the 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 94. pp. 14–19. doi: 10.17223/19988613/94/2

В 1805 г. северо-восточная окраина Российской империи, отдаленная и огромная по площади Якутия, получила статус административно-территориальной единицы – области, которая являлась промежуточным уровнем между губернией и уездом. В отличие от губернской формы управления область характеризовалась не только «усеченным» составом учреждений и малочисленностью чиновников, но и иной спецификой организации управления, что было обусловлено приграничным расположением территории и этническими особенностями. В связи с этим области учреждались исключительно на окраинах государства. В «Сибирском учреждении» 1822 г. М.М. Сперанского об образовании областей указывалось: «...по малому их населению и по роду обывателей не могут составить губернию, а по обширности их и удалению одного окружного управления было бы для них недостаточно», – что говорит о том, что административно-территориальная единица «область» являлась «приспособлением губернского к местным обстоятельствам» [1. С. 83].

Во главе Якутской области был поставлен областной начальник, который являлся председателем особого гражданского правления – областного правления. Это был новый институт власти в административной практике российского правительства. В последующем данная форма власти учреждалась в Западной Сибири и на Кавказе, где в отличие от Якутии присутствовала военная специфика управления. Якутия в первой половине XIX в. продолжала административно подчиняться Иркутской губернии; соответственно, областные начальники непосредственно были зависимы от Иркутского гражданского губернатора и Сибирского генерал-губернатора (с 1822 г. – Восточно-Сибирского). Данные положения без особых изменений продержались до 1852 г., когда область стала существовать на правах губернии, и ею стал управлять гражданский губернатор.

Важнейшую часть деятельности областного начальника Якутии в условиях периферийности и крайне удаленности региона от центра составлял полицейский надзор. Якутский край, отдаленная сибирская окраина с огромной территорией и сложными климатическими условиями, еще с XVII в. был определен местом уголовной и политической ссылки, выполнял, таким образом, важную роль в пенитенциарной политике Российского государства. Однако в первой половине XIX в. двойственность природы наказания, обусловленная двумя системами управления осужденными, не распространялась на Якутскую область. Якутия в рассматриваемый нами исторический период являлась регионом исключительно для поселения ссыльных, а не исправления каторжных работ.

Основополагающей нормативно-правовой базой формирования централизованного управления сибирской ссылкой в начале XIX в. и первым кодексом сибирской ссылки являлось «Сибирское учреждение» с уставами «о ссыльных» и «об этапах в сибирских губерниях» 1822 г. Ссыльные, которые были определены на поселение, разделялись на шесть категорий: «1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабо-

чие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные» [2. С. 372].

Управление ссыльными было возложено на все уровни сибирского управления в зависимости от их властной компетенции: «главное (генерал-губернаторство), губернское, окружное, волостное и инородное» [1. С. 374]. В случае с Якутским краем существовал еще один промежуточный уровень между губернией и округом – областное в связи административной подчиненностью Иркутской губернии.

На основании Сибирской реформы 1822 г. этапирование всех сосланных в Сибирь проходило через г. Тобольск, где определялось окончательное место их ссылки. Всего было организовано четыре экспедиции о ссыльных: тобольская, томская, енисейская и иркутская [3. С. 98–99]. В экспедициях о ссыльных, которые являлись отделениями губернских управлений, акмулировались все дела по управлению ссылкой. Однако на практике из-за нехватки штатных единиц в Иркутской экспедиции в 1832 г. основными делами ссылки занималось Общее присутствие губернского правления [4].

Сухопутным маршрутом, соединявшим города Иркутск и Якутск, являлся Иркутский тракт. В начале 30-х гг. XIX в. было донесено в Сибирский комитет от генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского предложение Иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера об учреждении к существовавшим 14 этапам данного тракта еще трех этапов в связи со случившимися побегам и грабежами из числа ссыльных [5].

Этапов по Якутии не имелось, однако в Якутске находились ссыльные, осужденные за особо тяжкие преступления, которые были пересланы из Иркутска в Охотский солеваренный завод на каторжные работы. Отправляемые в Охотск преступники содержались в Тюремном остроге Якутска, ожидая отправления весной или в июне месяце из-за «трудности Охотского тракта и суровости климата». Якутский острог, открытый в 1829 г., при правлении якутского областного начальника Н.И. Мягкова, вмещал в себя как гражданских арестантов, так и особое отделение для гаупвахты. Ссыльные, находясь временно в Якутске, «бывали употребляемы в теплое время на исправление улиц или площадей против казенных и общественных зданий или церквей, или же частных домов за платеж плаката, обращавшего в общую пользу острога». Вместе с тем серьезные опасения со стороны сибирских властей вызывали побег заключенных Тюремного острога и ссыльнокаторжных Охотского солеваренного завода, которые зачастую попадали в соседнюю Якутскую область. Сведения о случившихся побегах, предпринятых мерах по поимке беглецов и передаче их суду включались в ежегодные отчеты якутского областного начальника перед центральной властью [6, 7].

20-е гг. XIX в. ознаменовались в Сибири не только внедрением Сибирской реформы М.М. Сперанского, но и началом нового витка отправления ссыльных на

поселение в Азиатскую Россию. Якутская ссылка и в целом история Сибири второй четверти XIX в. прочно ассоциируются с событиями декабря 1825 г. Первая партия «государственных преступников» прибыла в Якутию 16 сентября 1826 г., при правлении вновь вступившего в должность областного начальника Якутии Н.И. Мягкова. В Сибирь было сослано 124 революционера, основная их часть была отправлена в Восточную Сибирь [8]. Якутская окраина стала местом для отбывания наказания А. Бестужевым-Марлинским, Н. Бобринцевым-Пушкиным, А. Андреевым, М. Муравьевым-Апостолом, А. Веденяпиным, Н. Заикиным, М. Назимовым, С. Краснокутским, Н. Чижевым, З. Чернышевым, П. Выгодским [9. С. 10–24]. В Якутскую область отправлялись как осужденные непосредственно на поселение, так и те, кто после окончания каторжных работ должен был быть отправлен на поселение в Сибирь. Кроме того, область стала местом для водворения декабристов, которым сократили сроки каторги или освободили от каторжных работ [10. С. 154].

«Устав о ссыльных» 1822 г., определявший положение осужденных в Сибири, не регламентировал категорию декабристов. Нормативно-правовой базой условий их содержания являлись указы императора и разработанные на основании данных рескриптов особые положения III отделения, Генерального штаба, Военного министерства, Министерства внутренних дел, почтового ведомства и временного особого комитета. Существование нескольких распорядителей «нередко приводило к несогласованности и даже противоречивости требований и действий». Главный надзор над декабристами был окончательно сосредоточен только в 1828 г. в руках шефа Третьего отделения его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов [11. С. 110].

Весьма важную роль играло управление на местах, что было обосновано удаленностью Сибири от Санкт-Петербурга. Контроль над ссыльными декабристами в Якутии характеризовался особенными сложностями с точки зрения организации сибирской власти. В Сибири общий надзор над ссыльными дворянами в Якутии поручался генерал-губернатору Восточной Сибири, который подчинялся Третьему отделению. Исследователи считают, что «компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов», и что генерал-губернатору были присущи прежде всего надзирательные функции [2. С. 325]. Непосредственный, местный уровень управления над «государственными преступниками» на областном уровне принадлежал якутским областным начальникам. Однако в условиях административной подчиненности области от Иркутской губернии областные начальники Якутии по вопросам надзора над декабристами обязаны были подчиняться иркутскому гражданскому губернатору.

Направленные из Иркутска ссыльные отправлялись на поселение в различные уголки Якутии. Так, в отношении определенного на поселение в г. Вилюйск декабриста М.И. Муравьева-Апостола, доставленного из Иркутска, начальник Якутской области Н.И. Мяг-

ков предписывал вилюйскому окружному исправнику: «водворить в Вилюй», «за поведением его иметь неослабный и строгий надзор, донося мне о том с каждой почтой» [12. С. 92].

Декабристы писали и получали письма, а также вещи от родных и близких им людей. М.И. Муравьев-Апостол, находившийся в Вилюйске, за год получил 36 писем. Поскольку почта из Якутска в Вилюйск отправлялась редко, за один раз декабрист получал по 6–7 писем. Письма, отправленные на имя М.И. Муравьева, получал в Якутске областной начальник. Запрещалось высылать письма частным образом, т.е. через купцов, обывателей, которые отправлялись из Вилюйска в Якутск чаще, чем полицейские чиновники. Мягков писал вилюйскому окружному исправнику о том, чтобы Муравьев присылал письма ему: «...кои и должны вы представлять ко мне для доставления Иркутскому гражданскому губернатору». Аналогично было и при получении писем и вещей от родственников [12].

В 1826 г. случилась курьезная ситуация между Н.И. Мягковым и Иркутским губернатором Цейдлером касательно декабристского надзора. Военный министр предписал якутскому областному начальнику Мягкову ежемесячно доносить информацию о поведении декабристов в Якутской области в Главный штаб на имя императора. Когда Цейдлер обратился к Мягкову с аналогичным предписанием отправлять сведения о государственных преступниках ему в Иркутск, якутский областной начальник ответил, что «не почитает себя в его ведомстве», а будет действовать исключительно по предписанию военного министра [13. С. 45].

Иркутский гражданский губернатор обратился с запросом к генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому: «...ответствует ли гражданский губернатор за тех, которые в Якутской области, или считать их как в другой губернии». «Сосланные в Якутскую область преступники, – писал Цейдлеру Лавинский, – принадлежат особенному надзору и наблюдению Вашему так же, как и все прочие, в Иркутскую губернию отправленные, и вы, имея в виду ясные отнесительно сих преступников правила, можете вразумить г. якутского областного начальника, что ни цель сих правил, ни самый порядок подчиненности, Сибирским учреждением определенный, и никакие частные предписания, прямо к нему посылаемые, не дают ему ни малейшего права уклоняться без нарушения своей обязанности от точного и неукоснительного исполнения Ваших предложений» [13. С. 46].

Однако Мягков, не успевший получить «вразумления», как отмечает Б.Г. Кубалов, уже во второй раз начинает отстаивать свою самостоятельность по декабристскому надзору. Военный министр А.И. Татищев указывал Мягкову, что «сведения об Андрееве, Веденяпине, Назимове и Заикине как сосланных в Иркутскую губернию должен представлять государю иркутский губернатор», а о находившихся в области – областной начальник. Но Андреев был переведен в Олекминск Якутской области, соответственно, подавать отчет о нем обязан был согласно приказу мини-

стра якутский областной начальник, а не иркутский гражданский губернатор. При этом совместно с Андреевым жил и Н. Чижев, о поведении которого, согласно предписанию военного министра, должен был представлять сведения Мягков. Таким образом, сложилась ситуация, когда о двух декабристах, находившихся в одном поселении, обязаны были отчитываться иркутский губернатор – по Андрееву, и якутский областной начальник – по Чижев. Поэтому военный министр изъяснил Мягкову, что сведения об Андрееве должен представлять теперь начальник Якутской области, поскольку что он был отправлен в Олекминск, который входил в состав данной области [13. С. 46].

Лавинский, узнав об этом, писал Мягкову следующее: «Ежели бы донесение ваше к г. военному министру не было сделано в противность законного порядка мимо меня и не заключало в себе такого смысла, будто бы Якутская область составляет совершенно отдельное управление от Иркутской губернии, и изъясненное разрешение, конечно, от военного министра последовать бы не могло». Генерал-губернатор Восточной Сибири поспешил изъяснить военному министру: «...по ошибочному понятию своему изъяснился насчет Якутской области в таком смысле, как будто бы она составляла совершенно отдельное от Иркутской губернии управление, тогда как область сия... во всех отношениях подведомственна иркутскому общему губернскому управлению», – и полагал, что «обо всех государственных преступниках, в Иркутскую губернию на поселение сосланных и в разные округа размещенных, гораздо приличнее было бы посылать донесение от лица иркутского губернатора» [13. С. 46–47].

Сложившаяся ситуация по декабристскому надзору объясняется отдаленностью края, сложностью иерархии сибирской власти, из-за чего возникала неясность властных компетенций [14. С. 142–143], а также личностным фактором. Недавно определенный чиновник из сановного Петербурга, удостоившийся перед отправлением в Якутск аудиенции императора Николая I в Зимнем дворце совместно с Бессарабским гражданским губернатором В.Ф. Тимковским, а также поддержанный лично министром внутренних дел В.С. Ланским, вполне вероятно, видел себя полноправным губернатором [15]. Еще одной особенностью личности Мягкова являются его либеральные взгляды. Якутский областной начальник проявлял к декабристам сочувствие, всячески пытаясь облегчить их участь в сибирском заточении. Г.А. Попов отмечал: «Сосланные в Якутск декабристы в лице начальника края Н. Мягкова нашли отзывчивого и доброжелательного администратора. Он по силе возможности смягчал положение ссыльных и этим не раз навлекая на себя неудовольствие Иркутских властей» [16. С. 96–97].

Б.Г. Кубалов пишет, что Мягков видел «в лице сосланных государственных преступников Краснокутского, Чернышева и Бестужева образованных, талантливых и воспитанных людей, способных внести оживление в общество и придать ему особый блеск». Якутский областной начальник приглашал декабристов на балы и торжественные обеды, где государственные преступники были в центре общего внимания. Якутский

городничий Слежановский отмечал: «На случающиеся у Мягкова балы, где быв они в полной мере г. Мягким в виде знаменитых особ уважаемы, и играя они недозволенную роль, занимали первые места и танцевали с приглашенными на бал дамами», «приглашал их в числе штаб- и обер-офицеров, и также почтеннейших граждан к обеденному столу в высокоторжественные дни» [13. С. 51].

«Дружелюбное отношение» Н.И. Мягкова к декабристам в Якутской ссылке отразилось в воспоминаниях и письмах «государственных преступников». М.И. Муравьев-Апостол в своих записках о Сибири писал: «...был так обязателен, что не только предложил мне воспользоваться его седлом до Вилюйска, но и разрешил служившему у него молодому чиновнику, брату вилюйского комиссара, сопутствовать мне до места назначения для свидания с братом»; «Областной начальник Мягков был так добр, что прислал мне в виде лакомства огромного размера туяз, по нашему бурак, из березовой коры, с замороженными щами. Вид давно забытой капусты напомнил мне родину и былое время» [17. С. 60–63]. Другой декабрист – А.А. Бестужев-Марлинский – отзывался о Мягкове в своем письме к брату в Читу: «Начальника нашей области ты, вероятно, знаешь. Человек справедливый, запоздавший в мнениях воеводства, но самый неловкий в самом желании делать добро, особенно в формах его оказывать к месту и впору. У него бываю очень редко» [18. С. 240]. Сам Мягков положительно отзывался о А.А. Бестужева-Марлинском в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского следующим образом: «...вел себя во все время благопристойно и скромно, не был замечен ни в каких предосудительных поступках» [19].

Возможно, сочувственное отношение Мягкова к декабристам и являлось одной из причин его отзыва в 1831 г. в Санкт-Петербург. Аналогичные процессы наблюдались и в соседней Енисейской губернии, где «хозяином губернии» являлся А.П. Степанов. В 1831 г. Степанов также якобы за «дружелюбное отношение» с декабристами был освобожден от должности. Весьма вероятно, что одной из причин смещения с должности перечисленных представителей местной сибирской власти является отражение элементов эпохи николаевской реакции.

Другие отбывающие наказания на северо-востоке Азиатской России в первой половине XIX в. – это представители религиозных сект: раскольники, скопцы и последователи других религиозных учений. Якутский край становится местом массовой ссылки по религиозным мотивам начиная лишь с середины XIX в., когда генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский определил местом их поселения Якутскую область. До этого «разжаланное» духовенство массово высылали в центральные и южные губернии, а затем в Закавказский край, с чем был не согласен местный губернатор. Тогда министр внутренних дел решил назначить местом массовой ссылки отдаленные уголки Сибири [20. С. 136].

При этом вопросы содержания осужденных за преступления против православной веры занимали нема-

ловажное место в деятельности областных начальников Якутии и в первой половине XIX в. Якутский областной начальник И.Г. Кардашевский в 1815 г. предписал поселить «последователей религиозного лжеучения Ракитина», доставленных в Якутск из Иркутска, в разные селения Якутской области, где они находились бы под надзором «духовного и сельского начальства, не могли иметь между собою свидания или письменного сношения...» Местную власть волновали «распространение лжеучения» и «новые преступления» со стороны данных представителей религиозной секты. Кардашевским было предложено поселить религиозных ссыльных в Охотск, Амгинскую слободу, Зашиверское и Верхневилуйское комиссарства: «...отправить как следует в назначенные мной места скованных за крепким караулом, – и со строжайшим комиссаром, тех мест предписанных, чтобы те ссыльные находились в самых комиссарствах к виду их» [21].

Весьма глубокою историю имеет ссылка раскольников в Якутии, которая начинается с 1671 г. Якутский областной начальник был обязан представлять сведения о раскольниках (старообрядцах) Иркутскому гражданскому губернатору. Так, 15 мая 1826 г. начальнику Якутской области было предписано доставлять ежегодно к 1-му числу ноября «ведомости о старообрядцах, раскольниках и других сект». На примере 1828 и 1831 гг. видно, что сведения о религиозных сектах по Якутскому округу поручалось донести якутскому земскому суду в адрес областных начальников Якутии Н.И. Мягкова и В.Н. Щербачева к 1 октября. Мягков объяснял своевременность доставления сведений к упомянутой дате необходимостью отправления почты 10 октября в Иркутск. Якутские областные начальники требовали от земского суда составлять ведомость по определенной форме: 14 ноября 1831 г. указом Мягкова было велено составить ведомость «без малейшего отступления от данной формы» [22].

Информация о представителях религиозной ссылки в Якутии являлась и составной частью ежегодного отчета областного начальника Якутии, доставляемого

в адрес управляющего МВД. К отчету прилагались сведения о «иконоборцах, не приемлющих священства и не поклоняющихся св. иконам и скопцам», которые были направлены из «внутренних губерний» и поселены в казенные крестьянские общества и якутские улусы. Из них «не приемлющих священства» – 9 (3 – муж., 6 – жен.), скопцов – 10 (9 – муж., 1 – жен.). В документе также говорилось о распространении религиозного учения среди местного населения: в 1841 г. крестьянка Якутского округа была увлечена в организацию скопцов [23]. Подозреваемый «в совращении» скопец, а также скопчиха были переданы к суду. Развитие религиозной секты скопцов на протяжении первой половины XIX в. все больше волновало якутского областного начальника. В 1835 г. И.Д. Рудаков предписал исправляющему должность якутского земского исправника «иметь строжайший надзор и наблюдение» за поселенными на ссылку в Якутии скопцами, находившимися в Амгинской слободе, с целью пересечения распространения «пагубного для человечества лжеучения». В противном случае предписывалось передавать виновных немедленно суду и доносить каждый раз начальнику Якутской области [24].

Во второй половине XIX в. ссылка начинает играть особую роль среди местной власти Якутской области, что в первую очередь характеризуется декабристскими событиями 1825 г. и развитием в России движения скопцов, постепенным отправлением ее представителей в Якутскую область. Якутские областные начальники занимались водворением ссыльных, организацией их учета, изоляцией, созданием контроля за перепиской и корреспонденцией для избегания распространения «вредных для государства идей». При этом отдаленность региона, сложность структуры управления Якутской областью, а также личные качества определяли характер деятельности начальника Якутской области, который проявлял самостоятельность в некоторых вопросах управления, что способствовало возникновению конфликтных ситуаций в отношении надзора над ссыльными.

Список источников

1. Прутенко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : историко-юридические очерки. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1899. 532 с.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.
3. Степанова Н.Г. (Шенмайер). Управление каторгой в Сибири в начале XX века (правовой аспект) // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск 2011. С. 92–106.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 444. Л. 1–25 об.
5. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–17 об.
6. РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 176. Л. 23 об.–25.
7. РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 177. Л. 13–14.
8. Иванов А.А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 2. doi: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).28. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>.
9. Сафронов Ф.Г. Декабристы в якутской ссылке. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1975. 105 с.
10. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с.
11. Перцева Т.А. Наказание декабристов: должностное и реальное // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 107–123.
12. Рыбаков М. Из архива Якутского областного правления // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 91–97.
13. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири : очерки. Иркутск : Губ. архив. бюро, 1925. 217 с.
14. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. 356 с.
15. РГИА. Ф. 1286. Оп. 3: 1825. Д. 210. Л. 26.
16. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924. 122 с.
17. Декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Петроград : Былое, 1922. 96 с.
18. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным / публ. подгот. М. Семецкий // Русский вестник. 1870. № 6. С. 213–264.

19. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.
20. Юрганова И.И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. 2016. Т. 16. С. 135–140.
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.
22. НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 342. Л. 9–10; 15–15 об.
23. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 6.
24. НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 376. Л. 1.

References

1. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy: oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: istoriko-yuridicheskie ocherki* [Siberian outskirts: regional institutions associated with the Siberian institution of 1822, in the administration of the Russian state: Historical and legal essays]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
2. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2018) *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917)]. 2nd ed. Vol. 2. Irkutsk: Ottisk.
3. Stepanova, N.G. (Shenmayer). (2011) *Upravlenie katorgoi v Sibiri v nachale XX veka (pravovoy aspekt)* [Prison administration in Siberia in the early 20th century (a legal aspect)]. In: Ivanov, A.A., Kuznetsov, S.I. & Shostakovich, B.S. (eds) *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: Ottisk. pp. 92–106.
4. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1264. List 1. File 444. pp. 1–25 ob.
5. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1264. List 1. File 436. pp. 1–17 ob.
6. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 1. File 176. pp. 23 ob.-25.
7. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 1. File 177. pp. 13–14.
8. Ivanov, A.A. (2015) *Politicheskaya ssylka Irkutskoy gubernii pervoy poloviny XIX veka* [Political exile in Irkutsk province in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. 6(2). DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).28
9. Safronov, F.G. (1975) *Dekabristy v yakutskoy ssylke* [Decembrists in the Yakut exile]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izd-vo.
10. Kazaryan, P.L. (1998) *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* [Yakutia in the system of political exile in Russia. 1826–1917]. Yakutsk: [s.n.].
11. Pertseva, T.A. (2011) *Nakazanie dekabristov: dolzhenstvuyushchee i real'noe* [The punishment of the Decembrists: intended and actual]. *Sibirskaya ssylka*. 6(18). pp. 107–123.
12. Rybakov, M. (1912) *Iz arkhiva Yakutskogo oblastnogo pravleniya* [From the archive of the Yakutsk Regional Administration]. *Sibirskie voprosy*. 21. pp. 91–97.
13. Kubalov, B.G. (1925) *Dekabristy v Vostochnoy Sibiri: ocherki* [Decembrists in Eastern Siberia: Essays]. Irkutsk: Irkutskoye gub. arkhiv. byuro.
14. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
15. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1286. List 3: 1825. File 210. p. 26.
16. Popov, G.A. (1924) *Ocherki po istorii Yakutii* [Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: [s.n.].
17. Muravyov-Apostol, M.I. (1922) *Vospominaniya i pis'ma* [Memoirs and Letters]. Petrograd: Byloe.
18. Semevsky, M. (1870) *Aleksandr Bestuzhev v Yakutske. Neizdannye pis'ma ego k rodnym* [Aleksandr Bestuzhev in Yakutsk. Unpublished letters to relatives]. *Russkiy vestnik*. 6. pp. 213–264.
19. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 58. p. 3.
20. Yurganova, I.I. (2016) *Iz istorii ssylki po religioznym motivam v Yakutiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [From the history of religious exile to Yakutia (second half of the 19th – early 20th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya*. 16. pp. 135–140.
21. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 85. pp. 4–5.
22. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 342. pp. 9–10.
23. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 4. File 107. pp. 6.
24. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 376. pp. 1.

Сведения об авторе:

Васильев Айсен Данилович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия). E-mail: aysen_vasilev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vasilev Aisen D. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: aysen_vasilev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 29.11.2021; accepted for publication 01.04.2025